ЕВРОПА 16.05.2024 | Татьяна Становая

Кадровый эксперимент

Что означают неожиданные перестановки в силовом блоке России

Первые кадровые решения Владимира Путина после инаугурации — переназначение премьера Михаила Мишустина и большинства гражданских министров — выглядели предсказуемо и даже разочаровывающе. Но затем президенту все-таки удалось всех удивить: уволенный с поста первого вице-премьера по экономике Андрей Белоусов неожиданно был предложен на пост министра обороны, а Сергея Шойгу перевели в секретари Совбеза, где он сменит могущественного Николая Патрушева.

От Шойгу к Белоусову

Сердцевина нынешних перемен — это замена Шойгу на Белоусова, а все последующие назначения лишь решают задачу «куда бы пристроить надежного человека», чтобы было поменьше рисков и побольше пользы. Эта замена позволила Путину убить одним выстрелом двух зайцев: убрать крайне непопулярного Шойгу, к которому накопилась масса претензий, и поставить Белоусова оптимизировать военные нужды.

Шойгу ушел с министерского поста в условиях нарастающего конфликта между Минобороны как потребителем и ВПК как производителем военной продукции. Военные жаловались на долгое производство вооружений, проблемы с качеством, сложности с обслуживанием. Кураторы ВПК в ответ критиковали военных за коррупцию и завышенные ожидания. В подобных ситуациях Путин, как правило, стремится не столько поддержать одну из сторон, сколько по-новому выстроить связь между ними, заставив работать продуктивнее вместе.

В этом смысле Белоусов, который занимался вопросами технологического суверенитета, поддержкой инноваций и курировал производство дронов, показался Путину перспективным кандидатом в министры обороны. Сейчас такой выбор многим кажется логичным, но это скорее эксперимент: Белоусову еще только

предстоит оправдать свое назначение, учитывая, что в ВПК ему теперь придется отвечать не столько за предложение, сколько за спрос.

Также в пользу нового министра обороны играют его близость к РПЦ, религиозность, нетипичная для экономических технократов патриотичность (он был в числе немногих, кто сразу поддержал аннексию Крыма), не говоря уже про лояльность и большой опыт работы с Путиным. Тем не менее близким соратником президента Белоусов никогда не был, а духовностью и патриотизмом сейчас трудно удивить.

Так что говорить о каком-то взлете влияния Белоусова пока не приходится. Его новое назначение — не столько показатель особого доверия Путина и сильных аппаратных позиций, сколько отражение его маргинализации в предыдущем составе кабинета. Война заметно усилила других чиновников экономического блока — Дмитрия Патрушева, повышенного до вице-премьера, министра финансов Антона Силуанова, поднявшегося на теме ухода иностранного бизнеса, и теперь уже бывшего министра промышленности и торговли Дениса Мантурова, курировавшего ВПК.

В итоге Белоусова отодвинули от многих важных процессов. Его подходы, несмотря на все разговоры про актуальность госплана, не вписывались в антикризисную модель работы российской экономики под невиданными санкциями с ее гибкостью и сдержанным регулированием. Если добавить сюда сложные отношения с Мишустиным, то отставка Белоусова с поста экономического вице-премьера выглядела неизбежной.

В переводе Белоусова в Минобороны хватает противоречий. На новом посту он уже не сможет мобилизовать и милитаризировать экономику — за нее отвечают другие министерства. Понимать армейские нужды ему тоже будет трудно — в силу отсутствия военного опыта. Военная корпорация вряд ли с энтузиазмом воспримет нового министра-экономиста — тем более что от него все ждут аудита и чисток. А отношения с правительством, особенно с финансовым блоком, у Белоусова давно напряженные.

Таким назначением Путин явно показывает, что хочет более прагматичного, некоррумпированного и профессионального подхода к потребностям армии. Но этот эксперимент совершенно необязательно сработает.

От Патрушева к Шойгу

Еще более противоречивое назначение — замена Николая Патрушева на Сергея Шойгу на посту секретаря Совбеза. Путин таким образом решил вопрос с увольнением Шойгу. Если бы его отставка была слишком унизительной, то она стала бы поводом для мощной волны критики уходящего министра и обсуждения слабых мест армии, что недопустимо в условиях войны.

Шойгу должен был уйти с почетом — так, чтобы никто не осмелился его добивать вместе с военным наследством. Ради этого, помимо поста секретаря Совбеза, его сделали еще и заместителем Путина в Военно-промышленной комиссии (правда, первым замом там сидит Дмитрий Медведев), а также куратором Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству (неформально находится в зоне влияния Ростеха). Эту службу вывели из-под Минобороны и подчинили напрямую президенту. И все это —чтобы компенсировать утрату реальной позиции министра обороны.

Речь идет именно об отставке, а не повышении, потому что саму по себе должность секретаря Совбеза аппаратно весомой не назовешь. У Совбеза небольшой штат и нет ни силового ресурса, ни права законодательной инициативы. Это консультативная позиция, и реальное влияние секретаря Совбеза зависит от того, кто занимает этот пост.

В путинской России было два влиятельных секретаря: Сергей Иванов в 2000 году, перед тем как стать министром обороны, и Николай Патрушев. Но Патрушев, в отличие от Шойгу, всегда был близок к Путину и идеологически, и по прошлой совместной работе. Как бывший глава ФСБ он также сохранил связи со спецслужбами. Патрушев на посту секретаря Совбеза выполнял важные дипломатические поручения президента и умел формулировать идеологический контур системы, внешней политики и войны.

У Шойгу всего этого нет. Он никогда не был по-настоящему своим для Путина и никогда не занимался вопросами идеологии, зато успел испортить отношения со значительной частью элиты (особенно силовиками и армией). За два года войны Шойгу стал самой токсичной фигурой в российском руководстве, так что ему вряд ли удастся стать вторым Патрушевым, а статус секретаря Совбеза останется просто почетной ссылкой. Примерно в той же логике Путин в свое время вывел из правительства не менее токсичного Дмитрия Медведева.

В нынешних перестановках еще остались нераскрытые интриги — например, куда переходит сам Патрушев. Среди версий — возглавит президентскую администрацию или какую-то новую координационную структуру с оборонно-разведывательным профилем. В любом случае за многие годы работы с Путиным Патрушев стал сам по себе человеком-должностью. Поэтому его идеологическая и внешнеполитическая роль сохранится вне зависимости от формального поста.

И в этом одна из главных особенностей нынешних перестановок: они направлены на оптимизацию, а не перемены. Все принятые решения прямо говорят только об одном: Путин доволен текущей конфигурацией власти и использует смену правительства лишь для повышения эффективности того, что уже существует, но никак не для перемен.

Данная статья впервые вышла на сайте Carnegie Politika и публикуется с разрешения правообладателя.

Татьяна Становая

Татьяна Становая (Tatyana Stanovaya) — приглашенный эксперт программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги. Наряду с этим она продолжает руководить аналитической фирмой R.Politik. Reality of Russian Politics. Татьяна Становая также входит в научный совет аналитического центра «Обсерво» (L'Osservatore) при Франко-российской торгово-промышленной палате.